

I

Когда Кел выходит из дома, грачи с чем-то возятся. Их шестеро, толпятся на дальней лужайке в высокой мокрой траве среди желтых цветочков, толкаются, скачут. Что-то они там добыли себе, оно мелковатое и все еще шевелится.

Кел ставит на крыльцо мусорный мешок с обоями. Подумывает, не достать ли охотничий нож и не освободить ли зверушку от страданий, но грачи живут тут намного дольше Кела. Довольно-таки нагло с его стороны получится — эдак влезть в их дела. Он опускается на заросшую мхом ступеньку рядом с мусорным мешком.

Грачи ему нравятся. Где-то читал, что они адски умнющие: учатся узнавать человека и даже подарки ему носят. Кел тут уже три месяца пытается улещивать их объедками — оставляет их на здоровенном пне в глубине сада. Птицы посматривают, как он шастает туда-сюда по траве, с увитого плющом дуба, где обустроили себе колонию, и когда Кел отходит на безопасное расстояние, налетают и принимаются громогласно вздорить и галдеть над едой, однако циничного взгляда с Кела не сводят и, стоит ему попробовать приблизиться, сразу ретируются на дуб, а оттуда дразнятся и роняют Келу веточки на голову. Вчера после обеда он хлопотал в гостиной — обдирал заплесневелые обои, и гладенький грачик присел на открытое окно, проорал что-то очевидно оскорбительное, после чего, хохоча, упорхнул.

Та зверушка на лужайке отчаянно извивается, сотрясает высокую траву. Здоровенный папаша-грач прыгает поближе, точно

и свирепо нацеливает один-единственный удар клювом, и зверушка затихает.

Может, кролик. Кел видел, как рано поутру они спуют и кормятся в росистой траве. Норы у них где-то в поле на задах, под обширными зарослями орешника и рябины. Как только пришло разрешение на оружие, Кел собирается проверить, помнит ли дедовы наставления, как свежевать дичь, и снизойдет ли здешний широкополосный интернет с ослиным темпераментом одарить Кела рецептом рагу из кролика. Грачи столпились, клюют настойчиво, вцепляются когтями, раздергивают плоть, их все больше слетается с дерева, они теснят друг дружку в кутерьме.

Какое-то время Кел наблюдает за ними, вытягивает ноги, вращает плечом в суставе. Работая по дому, он задействует мышцы, о существовании которых забыл. Ежеутренне обнаруживает новые боли, хотя некоторые, скорее всего, от сна на полу на дешевом матрасе. Кел слишком стар и громоздок для таких ночевок, но нет смысла привозить хорошую мебель в эту пыль, сырость и плесень. Он все закупит, когда приведет дом в порядок и сообразит, где тут это всё покупают, — таким прежде занималась Донна. А у Кела пока пусть болит. Ему такая боль в удовольствии. Вместе с волдырями и грубеющими мозолями боль — крепкое, заслуженное доказательство того, что она такое теперь, его жизнь.

Уже надвигается прохладная сентябрьская долгота вечера, но сейчас облачно и потому никаких следов заката. Небо, испятнанное неуловимыми оттенками серого, тянется нескончаемо — как и поля, окрашенные оттенками зеленого в зависимости от использования, иссеченные разросшимися изгородями, стенками сухой кладки да кое-где узкими проселками. Далеко на севере вдоль горизонта пролегает полоса невысоких гор. Глаза Кела все еще привыкают к такому простору — после стольких лет в городских кварталах. Пейзаж — та редкая часть действительности из всех ему известных, что не подведет никогда. В интернете запад Ирландии смотрелся прекрасно; прямо из самой его сердцевины окрестности смотрятся еще краше. Воздух насы-

щен, как бисквит, и словно годится не только для дыхания — можно куснуть и набить полный рот или, скажем, втереть пригоршню в лицо.

Чуть погодя грачи утихомириваются — близится конец трапезы. Кел встает, вновь берется за мешок с мусором. Грачи бросают на него сметливые быстрые взгляды и, когда он входит в сад, поднимаются в воздух и тащат свои сытые брюшки к себе на дерево. Кел волочет мешок в угол к обветшалому каменному сараю, оплетенному вьюнком, по дороге останавливается глянуть, чем там ужинали грачи. Так и есть — кролик, молоденький, хоть теперь и едва узнаваемый.

Кел оставляет мусорный мешок рядом с остальными и возвращается к дому. Почти доходит, но тут грачи вдруг срываются, шебуршат в листве и кого-то костерят. Кел не оборачивается и не сбивается с шага. Цедит очень тихо сквозь зубы, закрывая за собой дверь:

— Мать вашу.

Последние полторы недели за Келом кто-то посматривает. Возможно, и дольше, но голова у него была занята своим, и Кел, как любой другой посреди этих пустошей, принимал за должное то, что он тут один. Аварийная сигнализация у него в голове отключилась — в точности как он и хотел. Но однажды вечером готовил ужин — жарил гамбургер на единственной рабочей горелке изъеденной ржавчиной плиты, в колонке “айпода” на всю катушку Стив Эрл*, Кел время от времени лупил по воображаемым барабанам, — и вдруг в загравке начало припекать.

За четверть века в полиции Чикаго загравок у Кела натренирован что надо. Кел относится к таким сигналам серьезно. Непринужденно прошелся по кухне, потряхивая головой в такт музыке и скользя взглядом по шкафам, будто ему чего-то не хватает, а затем резко метнулся к окну: снаружи никого. Увернул горелку и устремился к двери, но в саду пусто. Под миллионом свирепых звезд и луной, на какую в самый раз выть, Кел обошел

* Стивен Файн Эрл (р. 1955) — американский рок-, кантри- и фолк-певец и автор песен, продюсер, актер. — *Здесь и далее примеч. перев.*

периметр; поля расстилались, белея, во все стороны, вякали совы — и ни души.

От какого-нибудь зверя шум, решил Кел, — сам-то потонул в музыке, вот только бессознательное чутье уловило. Потомки в этих краях оживленные. Сиживал Кел несколько раз на ступеньках далеко за полночь, пиво-другое, привыкал к ночной поре. Видел хлопотавших в саду ежей, лису — она замерла на пути по своим делам и пристальным взглядом бросила ему вызов. Как-то раз вдоль изгороди трусил барсук, крупнее и мускулистее, чем Кел предполагал, а потом скрылся; через минуту слышался одиночный пронзительный визг, следом зашуршало: барсук удалялся. Возиться тут мог кто угодно.

В ту ночь, прежде чем лечь, Кел поставил на подоконник у себя в спальне две кружки и две тарелки, а дверь в комнату подпер старым бюро. После чего обозвал себя недоумком и все убрал.

Пару дней спустя обдирал обои — окно нараспашку, чтоб пыль наружу, — и тут грачи метнулись тучей со своего дерева, вереща на что-то внизу. Шустрый след шороха, устремившийся прочь за изгородь, показался не ежиным и не лисьим — слишком уж заметен и шумен, даже барсук мелковат для такого. Добрался туда Кел опять с опозданием.

Возможно, местным детям скучно и они следят за новеньким. Делать в этих краях особо нечего: не деревня, а фитюлька, ближайшее сельцо — в пятнадцати милях. Даже просто допуская что-то еще, Кел сам себе кажется дураком. Март, его ближайший сосед дальше по дороге, и дверь-то не запирает — только на ночь. Услыхав это, Кел вскинул бровь, скуластое же лицо Марта сморщилось, и он хохотал, пока не захрипел.

— Ты глянь на это, — вымолвил он, показывая на дом Кела. — Что у тебя воровать? И кому? Я, что ль, полезу утром стирку твою пощупать, освежить себе вкус на моду?

Кел тоже рассмеялся и ответил, что Марту бы это не помешало, на что Март уведомил Кела, что гардероб у него мировецкий, а вот планов на кад্রেж никаких, и взялся объяснять почему.

Но кое-что все же не дает ему покоя. Так, пустяки, однако потрескивает у Кела на кромке легавого чутья. Кто-то перегазо-

ываает в три часа ночи вдали на глухих проселках — утробные бурливые рыки. Пацанчики, сгрудившиеся в дальнем углу паба, чересчур юные и одетые не по-здешнему, болтают чересчур громко и чересчур быстро, да и выговор у них несообразный; Кел входит — и они головами р-раз, глазают на секунду дольше нужного. Кел старательно не говорил никому, чем он в прошлом занимался, но и одного того, что ты чужак, может быть достаточно — смотря как повернется.

Дурила, говорит себе Кел, включая горелку под сковородой и глядя в кухонное окно на тускнеющие зеленые поля; пес Марта трусит подле овец, а те мирно бредут к своему загону. Слишком много лет на дежурствах в дурных районах — тут и селяне покажутся бандюгами.

Скучающие дети, десять к одному. Но все равно Кел уже приглушает музыку, чтоб ничего не упустить, подумывает, не поставить ли сигнализацию, — и это его бесит. Годы напролет Донна бросалась к ручке громкости: “Кел, у соседей младенец пытается уснуть! Кел, миссис Скапански после операции, считаешь, надо рвать ей барабанные перепонки? Кел, что соседи подумают? Что мы дикари?” Своей земли ему хотелось отчасти для того, чтобы врубать Стива Эрла на такую громкость, какая сшибает белок с деревьев, а забраться в жопу мира — в том числе и затем, чтоб не надо было устанавливать сигнализацию. Кажется, он, к примеру, и яйца себе устроить поудобней не может, не озираясь, а уж такое у себя в кухне любому должно быть позволено. Дети там или нет, пора кончать с этим.

Дома он бы решил эту задачу парочкой старых добрых скрытых камер, грузивших отснятое прямиком в облако. Здесь, даже если вай-фай справился бы, что сомнительно, от самой затеи нести запись в ближайший участок Кела не перло. Неизвестно, что может начаться — соседская вражда, или, может, тот, кто подглядывает, окажется легавому двоюродным, или еще новость что.

Подумывает насчет натяжной проволоки. Они вообще-то незаконны, но Кел вполне уверен, что ничего особенного: тот же Март уже дважды предлагал ему купить у него нелегализованный